

Старенький теплоход «Москва» подходил к пристани нового речного вокзала.

Разбитная Наташка, числившаяся на судне матросом, драила палубу шваброй.

В обязанности матроса входило бросать чалки на берег, поддерживать чистоту на теплоходе и проверять билеты у пассажиров.

С палубой пора было кончать.

Над головой уже повис коммунальный мост. «Зачерпну последнее ведро – и к сходням», – подумала Наталья.

Прислонив швабру к борту, она бросила за него пустое ведро, привязанное к верёвке. Ведро быстро наполнилось тяжёлой водой и потянуло Наташку вглубь могучей Оби. Стараясь удержаться на палубе, Наталья нечаянно схватилась не за борт, а за швабру и вместе с ней полетела вниз.

Быстрое течение подхватило ошеломленную женщину в тельняшке и промасленной телогрейке, понесло под мост. Чтобы не утонуть, Наталья мёртвой хваткой держалась за швабру.

В это время из Затона шёл, тархтя, буксиришко. С него и заметили Наташку. Кто-то шустро сорвал с пожарного стенда багор и в последнее мгновение зацепил утопающую за телогрейку.

Вытащив на палубу перепуганную бабёнку, речники заинтересовались:

– Откуда плыла, красавица? Да ты швабру-то брось и разотришь!

Но Наташкины пальцы судорожно сжимали древко.

Один из матросов попытался отнять у неё деревяшку, но не тут-то было. Тогда он хитро подмигнул своему корешу:

– А ну-ка, Васька, тащи топор. Мы сейчас эту швабру вырубим вместе с руками!

Услышав такое, Наталья, заикаясь, залепетала:

– Н-н-е-е-льзя... Это же и-и-нвентарь судовой. Я за него в ответе.

И всё же при виде большущего топора она невольно разжала пальцы.

Тем временем буксир подошел к «Москве», и капитан, взяв рупор, прокричал:

– Эй, москвичи! Вы что это разбрасываетесь своими матросами с казённым имуществом?!